

ДМИТРИЙ
ШЕРИХ

ИСТОРИЯ
ПЕТЕРБУРГА
НАИЗНАНКУ

заметки на полях
городских
летописей

Дмитрий Юрьевич Шерих
История Петербурга наизнанку.
Заметки на полях городских летописей
Серия «Всё о Санкт-Петербурге»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6707268

Д.Ю. Шерих. История Петербурга наизнанку. Заметки на полях городских летописей:
Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-04927-8

Аннотация

Волей энтузиастов-мечтателей, а иногда по заказу начальствующих лиц рождались красивые легенды, способные украсить собою летопись любой европейской столицы... Не минула сия участь и город на Неве. Его история буквально овеяна разного рода умыслами и небылицами. Многие эти фантазии уже въелись в плоть и кровь истории Петербурга – и автор не рассчитывает, что его книга радикальным образом изменит ситуацию. Кто хочет верить в красивое и судьбоносное – тот будет верить и впредь. Да и создатели многих современных сочинений о петербургской старине слишком уж пренебрегают критическим взглядом на вещи, часто забывая непредвзято взглянуть на прошлое и настоящее. Такова реальность. Впрочем, грустить по этому поводу автор не намерен. Почему? Да потому, что легенда – это интересно, занимательно, ярко и образно. Это краски, которых недостает строгим достоверным фактам, и они по-своему хороши. Иногда даже очень хороши. Важно только не забывать, что основная единица строения истории – это все-таки факт, и именно на факты опирается Дмитрий Шерих, развенчивая городские мифы.

Содержание

От автора	5
XVIII век	6
Петербург до Петербурга	6
С великим шумом парения крыл	10
Град Петров	14
«Льзя ль пышный было град сим домом обещать?»	18
«Изволил обложить дворец?»	22
Земля будущей столицы	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитрий Шерих

История Петербурга наизнанку.

Заметки на полях городских летописей

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Автор идеи Дмитрий Шипетин
Руководитель проекта Эдуард Сироткин

От автора

Любой уважающий себя петербуржец знает основные вехи городской истории. Без труда вспомнит, например, что город наш был основан 16 (27) мая 1703 года, что легендарный Домик Петра I возвели за три дня того же мая 1703 года. Прибавит, быть может, что строились первые царские хоромы силами солдат Семеновского полка.

Факты несомненные? Позвольте возразить.

Совсем не случайно герой «Записок из подполья» Федора Михайловича Достоевского назвал Петербург «самым отвлеченным и умышленным городом на всем земном шаре». Дело не только во внешнем облике северной столицы – хотя и в самом деле, как могли явиться среди северных болот средиземноморские колоннады и лоджии, классически широкие проспекты и барочные завитушки дворцов? Дело и в истории: петербургская летопись буквально овеяна разного рода умыслами, легендами и небылицами. И добро бы они не притворялись при этом чистой истиной, так нет же: в самых канонических страницах городской истории достает откровенных фантазий!

Три майских дня 1703 года? Эта информация – родом из рукописи XVIII столетия «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга». Кочуют эти сведения по книгам и учебникам уже многие десятилетия, только ведь цену рукописи сведущие историки определили со стопроцентной ясностью. Чистейший вымысел, созданный одним из младших современников Петра I. А это значит, что реальные обстоятельства появления Домика никому не известны.

Вот это и есть факт.

Один лишь пример, но весьма красноречивый.

Петербург весь как мираж, как игра воображения. Чувствовал это и Александр Александрович Блок, много позже Достоевского обращаясь к Петербургу: «О, город мой неуловимый, зачем над бездной ты возник?..»

Вот и идея этой книжки: шерстить ключевые моменты истории Санкт-Петербурга, внести в них необходимые поправки. Речь пойдет не только о временах старинных. Посетите памятник Героическим защитникам Ленинграда на площади Победы: там по краям «разорванного кольца» бронзой обозначены слова «900 дней» и «900 ночей». В учебниках тоже можно прочесть про героические девятьсот дней блокады. Однако оборона города от фашистских захватчиков длилась на 28 дней меньше, и эта разница вовсе не мелочь. Месяц в условиях войны – разве мелочь?

Некоторые заблуждения и допущения, по которым мы пройдемся в этой книжке, укрепились в сознании горожан под видом несомненных фактов и кочуют по страницам книг и статей. А есть и такие, что числятся по разряду откровенных баек, но и с ними не все просто: кто-то в истинность этих легенд верит доныне. Уже сколько опровергали анекдот о «царском пальце» на железной дороге из Петербурга в Москву, а все равно в литературе нет-нет, да всплывет этот «факт»!

XVIII век

Петербург до Петербурга На пустынном ли месте построили город?

Две многократно опровергнутых легенды никак не хотят умирать. Первая – о том, что город наш Санкт-Петербург был построен на пустом месте. Вторая – что финны («чухонцы») со шведами были исконными жителями этих мест.

В бытовании этих легенд отчасти повинен Александр Сергеевич Пушкин. Не случайно именно на его поэму «Медный всадник» ссылаются поклонники легенды номер один: если уж в ней сказано, что «на берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн», значит, так и было.

В укор этим поклонникам: вообще-то «Медный всадник» поддерживает скорее легенду номер два. Потому что вскоре после первых строк Пушкин сообщает нам другое: «по мшистым, топким берегам чернели избы здесь и там, приют убогого чухонца». И никакого противоречия между двумя поэтическими образами нет. Если вдуматься, вначале Пушкин говорит о пустынной реке, на которой виднеется лишь одинокий «утлый челн», а во втором – уже о невских берегах. Читайте, как говорится, первоисточники.

Но что же с легендами?

Первую можно отвергнуть с ходу: петербургские земли до возникновения города не были пустыни. Известны мельчайшие детали жизни местных аборигенов, красноречиво рисующие образ их жизни. Вот лишь один эпизод. Жил на левом берегу Невы шведский майор Эрих Берндт фон Коноу, и управлял его именем некий Олоф Иоханссон – человек весьма жесткосердный. Под его горячую руку попал русский крестьянин, записанный в документах как Сава Онтрей (а на деле, очевидно, Савва Андреев) – и этот конфликт оказался запечатлен в судебных документах допетровского времени. Вот что рассказывала жена рыбака Эриния (очевидно, Ирина):

«Когда 29 мая 1697 года Онтрей вернулся с рыбалки, на берегу его поджидал управляющий именем Олоф, чтобы взять с улова причитающуюся усадьбе Конова долю. Онтрей сказал: „Конечно, с нас сдирают налог на рыбу, но может ли какая-нибудь рыбешка попасть в кастрюлю хозяина?“ Управляющий ответил: „Что за счетовода ты, каналья, из себя изображаешь?“ и ударил Онтрея веслом по плечу и дважды по телу так, что сломал ему ребро. Онтрей упал в лодку. В следующий четверг Олоф пришел к нему взять положенное. Онтрей лежал на скамье, и Олоф спросил его: „Почему валяешься, почему не рыбачишь вместе с другими?“ Онтрей ответил: „Я сыт по горло тем, как ты избил меня в субботу“. Управляющий разъярился, стал бить рукояткой хлыста по лицу и глазам Онтрея, пинать его ногами. Онтрей умолял о пощаде, но Олоф продолжал избиение. Онтрей произнес: „Хватит уже, хватит уже“, на что Олоф ответил: „Для меня жизнь такого бандита не дороже куриной головы“, после чего покинул дом, уведя за неуплату налога двух коров из коровника. В тот же вечер Онтрей испустил дух».

Дело дошло до суда, находившегося тогда в городе Ниен рядом с Ниеншанцем, и рассматривалось на протяжении двух лет. Далеко не все свидетели смогли явиться в суд: некоторые умерли от голода, другие покинули невские берега. Выяснилось, что жил Савва Андреев небогато, выловленную рыбу менял на зерно, которое смешивал с сосновой корой и корешками мха и пек из такой смеси хлеб. Управляющего Олофа некоторое время держали под стражей, но потом выпустили, и летом 1698 года он избил Ирину прямо на дороге в Аух-

туа (современное Автово). Этот инцидент сказался на приговоре, который был вынесен в октябре 1699 года и оказался весьма своеобразным. С одной стороны, суд поверил в клятву Иоханссона, что Андреев умер не от его руки, и обвинение в убийстве снял. С другой стороны, за избиение вдовы Олофа был приговорен к отсечению правой руки.

Надо думать, руку ему отсеки без отлагательства.

До основания Петербурга тогда оставалось меньше четырех лет.

История Саввы Андреева позволяет в красках представить себе жизнь Петербурга до Петербурга. Типичная картина времен феодализма: небольшая прослойка правящего класса и нищее большинство. Скажем, усадьба майора Эриха Берндта фон Коноу, именованная Usaditza или же Usadiss hoff, включала в себя обширную территорию по левому берегу Невы с домиком и зеленым садом «в голландском вкусе». Надо думать, швед вовсе не бедствовал. А вот подданные его жили в среднем так же, как Савва: перед основанием Петербурга в этих землях воцарилась настоящая бедность. Неурожайные годы, мор скота привели к тому, что в 1697–1699 годах люди массово умирали от голода, нищие бродили по деревням, а кражи продовольствия стали особенно часты. Не случайно в 1698 году среди 185 дел, рассмотренных в суде города Ниен, 30 касались краж. Воровали рыбу, мясо, муку, зерно, соль, сахар, жир, масло...

Но что же насчет второй нашей легенды – об исконных обитателях приневских земель? Здесь история, приключившаяся на землях майора Коноу, тоже подсказывает верный ответ. Usaditza, Usadiss hoff: не правда ли, русское ухо чувствует в этих названиях родные корни? Чувство вполне справедливое: известно, что еще на рубеже XV и XVI веков здесь находилась русская деревня Усадица (Усадище), которая и дала имя усадьбе.

Русские и шведы с давних пор конкурировали за местные земли. Александр Ярославич в 1240 году отстаивал Неву от шведских войск, за что и стал Невским; были громкие сражения и позже. Известно также, что летом 1300 года Нева принадлежала Новгороду, но вторгшиеся шведы соорудили в устье Охты крепость Ландскрона. Годом позже новгородцы собрали большое войско и после осады разрушили цитадель. В том же XIV веке здесь появилось русское поселение – сельцо «на усть Охты», которое дало начало Невскому городку с гостиним двором, церковью и таможей...

Приневские земли не раз переходили из рук в руки. Известно, что в 1582 году московские дьяки не смогли выполнить перепись здешних земель, ибо «стояли под Орешком и под Ладогою немецкие люди». В 1611 году, чувствуя себя уже здесь хозяевами, шведы построили на месте Невского городка свою крепость Ньюенсканс, она же Ниеншанц. Шестью годами позже был заключен Столбовской мир, согласно которому приневские земли, получившие название Ингерманландии, официально отошли к шведам – и это притом, что доля русского населения составляла здесь еще до двух третей. Этим русским пришлось нелегко, что подтверждает не только судьбина Саввы Андреева: власти старались вытеснить православие лютеранством, раздать земли новым хозяевам, и в конце концов доля русских в Приневье упала до ничтожных пяти-шести процентов.

Шведская карта места, где будет основан Петербург. 1700 год

Так что и вправду перед основанием Петербурга здесь жили преимущественно финны с шведами, только вот какой ценой это было достигнуто...

Подытоживая тему, можно набросать перечень некоторых значимых поселений на нынешних петербургских землях, стоявших тут перед 1703 годом. Русское село Спасское, известное еще с 1505 года, находилось на левом берегу Невы в районе теперешнего Смольного; здесь имелась церковь Спаса Преображения, служившая оплотом православия в регионе. Осиновая деревня, она же Хаапаси, находилась на левом берегу Невы в районе нынешнего Финляндского железнодорожного моста. Мийккула и Койвуси – близ теперешнего Володарского моста, первая на левом берегу реки, вторая на правом. Где находилось село Лахта (название которой известно с 1500 года), петербуржцу объяснять вряд ли надо. И про Аухтуа тоже можно ничего не объяснять.

Не только Лахта с Автово дошли до нас как приметы допетровской жизни невских земель. Усадьба майора Коноу, с которой читатель уже знаком, дала начало Летнему саду. Сам Эрих Берндт с приближением русских войск бежал в Швецию, а Петр I в 1704 году повелел создать здесь свою резиденцию, и работы развернулись во всю ширь – с мелиорацией, посадкой новых деревьев и так далее. Возможно, в первое время царь использовал для проживания дом беглого майора.

Исследователи установили, что многие старые поселения и усадьбы легли в основу застройки новой столицы и ее пригородов. То же касается и дорог, которые превратились со временем в улицы и проспекты Петербурга. Известны даже конкретные примеры: к допетровским временам восходят Миллионная улица, Рубинштейна, Малоохтинский проспект, часть Лиговского проспекта, большая часть Шпалерной улицы. Есть и еще одна старая, шведских времен трасса: берег Невы у Пролетарского завода – улица Крупской – улица Салова – берег реки Волковки.

Вот, кстати, вилы в бок еще одному расхожему заблуждению о том, что историческая часть нашего города – это, дескать, лишь самый его центр, Невский проспект с прилегаю-

щими ансамблями площадей, Стрелка Васильевского острова, Петропавловская крепость, Летний сад с Марсовым полем...

Нет, не только. Лахта, Автово, улица Крупской: вот места по-настоящему исторические. Даром, что в них не слишком и видны приметы былой жизни.

С великим шумом парения крыл Как проходила закладка Санкт-Петербурга?

В старинной рукописи «О зачати и здании царствующего града Санктпетербурга», которая хранится в нашей Публичной библиотеке (нынешней Российской национальной), закладка города описана подробнейше. Почти что в красках, со свойственной XVIII столетию барочной пышностью. Царь Петр Алексеевич, как повествует документ, впервые посетил Заячий остров 14 мая, причем «усмотрел орла парящего, и шум от парения крыл его был слышен» – и тогда решил заложить на острове храм святых Петра и Павла. Уже на следующий день расчисткой острова занялись солдаты, а 16 мая в день Троицы, после литургии состоялся акт закладки.

Петр сам принялся копать ров с заступом в руках, и тогда «орел с великим шумом парения крыл от высоты опустился и парил над оным островом». Потом царь поставил в ров «четвероугольной ящик, высеченной из камня», в который вложил «ковчег золотой, в нем мощи святого апостола Андрея Первозванного», после его накрыл ящик каменной крышкой с вырезанными словами об основании «царствующего града Санктпетербурга». После двоекратной пушечной пальбы царь продолжил свои труды.

«Изволил размерить, где быть воротами, велел пробить в землю две дыры и, вырубив две березы тонкие, но длинные, и вершины тех берез свертев, а концы поставлял в пробитые дыры в землю на подобие ворот. И когда первую березу в землю утвердил, а другую поставлял, тогда орел, опустясь от высоты, сел на оных воротах; ефрейтором Одинцовым оной орел с ворот снят.

Царское величество о сем добром предзнаменовании весьма был обрадован; у орла перевязав ноги платком и надев на руку перчатку, изволил посадить у себя на руку, и повелел петь литию. По литии и окроплении ворот святою водою была третичная из пушек пальба, и изволил выйти в оные ворота держа орла на руке...»

Оный орел, сообщает нам летописец, после всего случившегося некоторое время обитал «во дворце», а после постройки на острове Котлин крепости святого Александра был «в оной Александровой крепости отдан на гобвахту с наречением орлу комендантского звания».

Вот так чудесно явившийся над Заячьим островом орел освятил своим присутствием основание северной столицы России. Символизм несомненный, особенно с учетом дня Троицы, она же Пятидесятница. В канонических «Деяниях святых апостолов» описано, что произошло с учениками Иисуса Христа на пятидесятый день после его чудесного воскресения: «И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго».

Верующий человек XVIII столетия не мог не отметить: если в праздник Святой Троицы «орел с великим шумом парения крыл от высоты опустился», это явным образом свидетельствует о небесном покровительстве сему северному граду.

Г.С. Мусукийский. Портрет Петра I на фоне Петропавловской крепости и Троицкой площади. 1727 год

Сведущий читатель догадывается, однако, куда повернет наш рассказ. Дело в том, что историки уже давно разглядели в старинной рукописи червоточины. Изучали ее внимательно, все ж таки единственное документальное свидетельство о закладке северной столицы – и не могли не задаться некоторыми вопросами. Допустим, еще в историю с орлом с натяжкой поверить можно, хотя в здешние края орлы залетают нечасто (автор подстраховался на сей счет, сообщив о судьбе орла до 1703 года: «Сказывали, будто оной орел был ручной, а житье ево было на острове, на котором ныне город Санктпетербург; выгружались по берегам реки Невы маштовые и брусовые королевские леса и караульными салдаты тех лесов оной орел приучен был к рукам»).

Допустим. Но как быть с мощами Андрея Первозванного, соткавшимися словно бы из воздуха в нужное время в нужном месте? Как быть с каменным «ящиком» и вырезанной на нем пространной надписью? Не верится, что камнерезы состояли в штате петровской гвардии. И еще: в надписи речь идет об основании «царствующего града», хотя закладывалась тогда крепость, что красноречиво подтверждается всеми достоверными документами. Только осенью 1704 года Петр впервые – в письме к Меншикову – назовет Петербург столицей, но и это еще не будет официальное придание городу нового статуса. Столицей Петербург станет году к 1712-му, не раньше...

В общем, слишком уж красивое получилось «сочинение на тему».

Историки долго пытались выяснить, в чем же причины такой красоты. Выяснили. Два доктора исторических наук Сергей Алексеевич Мезин и Павел Александрович Кротов независимо друг от друга сумели установить: рукопись принадлежит перу известного литератора XVIII столетия Петра Никифоровича Крекшина. В Петербурге тот обосновался в 1712 году, лет двадцати от роду, прожил здесь больше полувека и зарекомендовал себя как человек горячий и увлекающийся. Собирал манускрипты и старинные издания, сам пробовал силы

на поприще исторических сочинений – и писал их, как умел и как считал нужным. Составленные им жизнеописания Петра Великого полны фантазий. Известен эпизод из Полтавской баталии, который донныне попадает в школьные учебники и солидные ученые труды: в переломный момент битвы Петр лично повел в атаку второй батальон Новгородского полка, после чего шведы смешались и наступил перелом. В действительности такого эпизода не было, он впервые введен в оборот Крекшиным.

Не было и такой эффектной закладки Петербурга.

Но что же тогда было? Какие сведения о закладке нашего города можно считать достоверными? Присутствовал ли, наконец, при закладке царь Петр – а то ведь и на этот счет существуют разные мнения...

Существуют.

Часть историков считает, что царя при закладке не было. Одна из основ их убежденности – запись в походном «Юрнале» бомбардирской роты Преображенского полка, капитаном которой был царь. В нем зафиксированы перемещения Петра в мае 1703-го: 11 числа царь отправился в Шлиссельбург «сухим путем», потом «на яхте гулял на озере», 14 мая «приехал на Сяское устье» и задержался там ненадолго. «В 16-й день, в неделю пятидесятницы, пошли» – и на следующий день «приехали на Лодейную пристань». Никакого основания Петербурга!

А вот как суммирует мнение этой части историков в своей широко известной книге «Основание Петербурга» профессор Владимир Васильевич Мавродин: «В день закладки крепости – 16 мая – Петра не было на Заячьем острове: 11 мая царь уехал в Лодейное Поле, откуда вернулся в Шлотбург лишь 20 мая. Фактически закладку крепости на Заячьем острове... вел не Петр, а его „друг сердешный“ А.Д. Меншиков».

Есть и еще один документ – «Юрнал о взятии крепости Новых Канец», напечатанный в 1713 году в «Книге Марсовой». Это издание готовилось при активном участии самого Петра, собственноручно вносившего в корректурные оттиски правку – и если не верить такому источнику, то чему же еще верить? Новые Канцы, позволю себе пояснить, это Ниеншанц. И вот в этом тексте сказано: «Господин Капитан бомбардирской изволил осматривать близ к морю удобного места для здания новой фортеции. И потом в скором времени изволил обыскать единый остров zelo удобный положением места, на котором вскоре, а имянно, Мая 16 день в неделю пятьдесятницы фортецию заложили, и нарекли имя оной Санктпетербург».

Иными словами, место для крепости Петр подыскал самолично, а вот дальше крепость «заложили» и «нарекли». Безличные глаголы – еще одно подтверждение отсутствию Петра на невских берегах 16 мая.

Но это все – на одной чаше весов, а есть и другая. Целый ряд историков убежден, что Петр все-таки был в тот майский день 1703 года на Заячьем острове. Никак не мог не присутствовать. Этой позиции придерживались классики петербургского краеведения Петр Николаевич Петров и Иван Николаевич Божерянов, ее придерживаются и составители недавно изданной фундаментальной энциклопедии «Санкт-Петербург»: «Закладка земляной крепости по плану, составленному Петром I, состоялась 16(27).5.1703 в присутствии царя – эта дата считается днем рождения Санкт-Петербурга».

К тому же склоняется и выпущенная в 2003 году солидная историко-церковная энциклопедия «Святыни Петербурга» Виктора Васильевича Антонова и Александра Валерьевича Кобака. Что примечательно, уважаемые историки повторяют близко к тексту рукопись Крекшина – и хотя именуют сюжет про Петра с орлом красивой легендой, иных вариантов развития событий 16 мая 1703 года не предлагают.

Попытку разобраться в вопросе поглубже предпринял ныне уже покойный журналист и историк Александр Матвеевич Шарымов. Он долгие годы исследовал раннюю историю Петербурга, и в конце концов пришел к выводу: несмотря ни на что, верить рукописи «О

зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга» в общих чертах можно. Пусть ее автор и приукрасил ход событий, в главном он против истины не погрешил. Петр, по убеждению Шарымова, действительно участвовал в столь важной для него процедуре закладке новой крепости в устье Невы. Походный «Юрнал»? Но этот документ составлялся небрежно и весьма расплывчато, фиксировал перемещения не столько Петра, сколько всей бомбардирской роты, а потому стопроцентным доказательством служить не может. «Книга Марсова»? Но в ней ведь тоже прямо не сказано, что Петра не было.

Зато существует письмо Петра I фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву, отправленное 13 мая 1703 года из Шлиссельбурга в Шлотбург (бывший Ниеншанц), и там черным по белому написано: «Я сам буду завтра к вам». Повод к поездке был весомый: Петр хотел проститься с утонувшим в Неве капитанармусом бомбардирской роты Алексеем Петелиным, причем инструкции давал чрезвычайно подробные: «Извольте его отпеть (а ради духу на ночь вели лекарю разрезать, чтоб мокрота вытекла), и могилу выкопать, а забивать и хоронить не извольте».

Завтра – это 14 мая, и получается, что царь отправился вовсе не на Сясь, а в устье Невы, где намеревался лично проститься с покойным. И он вполне мог задержаться здесь еще на пару дней.

Правдоподобно? Убедительно? Вполне.

Хотя и это доказательство за стопроцентное принять нельзя. Мало ли что планировал Петр 13 мая 1703 года – а назавтра мог ведь передумать, да отправиться совсем в другом направлении. В том самом, о котором сообщает походный «Юрнал». Все ж таки дела государственные поважнее, чем похороны капитанармуса бомбардирской роты, да и степень близости покойного к царю преувеличивать не стоило бы.

Так кто же в итоге прав?

Взвешивая все за и против, я все-таки думаю, что Петр не присутствовал при закладке крепости на Заячьем острове. Иначе этот факт стал бы известен нам не только из сомнительного опуса Крекшина. Отмечу еще, что журналист Шарымов, заступаясь за любезную ему рукопись, ошибался в датировке: думал, что она создана в конце 1720-х годов по горячим следам событий, тогда как на самом деле она родилась десятилетиями позже. Как доказали современные ученые.

Так что единственное, в чем нет сомнений – так это в том, что город наш был заложен 16 (27) мая 1703 года и место для крепости выбрал лично царь Петр. Спасибо «Книге Марсовой». Мелочь, но все-таки.

А вот со всем остальным – увы, полный туман.

Град Петров Когда и в чью честь получил город свое имя?

Начнем с первого вопроса: когда?

Знакомая уже нам энциклопедия «Санкт-Петербург» сообщает обтекаемо:

«К окт. 1703 крепость, названная Санкт-Питер-Бурх (от голл. Sankt-Peters Burch – крепость Св. Петра), была построена под рук. А. Д. Меншикова силами солдат. 29.6.1703 в крепости заложена ц. Св. апостолов Петра и Павла (отсюда – Петропавловская крепость), а назв. СПб. распространилось на город, начавший складываться из слобод, населенных занятыми на стр-ве солдатами и крестьянами».

Мы уже знаем, что верить энциклопедии следует с осторожностью, но все-таки отметим в памяти пассаж насчет крепости и ее перешедшего на город названия. А вот что с датой? Темнит энциклопедия, точных чисел не называет...

А вот еще один знакомый нам источник – «Юрнал о взятии крепости Новых Канец» – как нельзя более конкретен: «Мая в 16 день в неделю пятьдесятницы фортецию заложили, и нарекли имя оной Санкт Питербурх». Если помнить, что печатался «Юрнал» под смотрением самого державного основателя, это свидетельство можно принять всерьез. Правда, другое тогда непонятно: почему же в первые недели строительства новой крепости она никем и никогда не титуловалась по имени? «Новопостроенная» – и все тут. Письма самого Петра, отправленные из этой местности, помечались «из Шлотбурха», то бишь Ниеншанца. Только 1 июля 1703 петровское послание Федору Матвеевичу Апраксину помечено по-новому: «из Санктпитербурха».

А 18 июля уже «Ведомости московские» упоминают о новой крепости, впервые печатно сообщая ее имя: «Из новыя крепости Питербурга, пишут, что нынешнего июля в 7 день, Господин генерал Чамберс с четырьмя полками конных, да с двомя пеших, ходили на генерала Крониорта...»

Итак, к июлю Санкт-Петербург стал Санкт-Петербургом. Но когда же конкретно состоялось наречение? Перебирая источники, находим вероятный ответ на этот вопрос в письме фельдмаршала Федора Алексеевича Головина Павлу Готовцеву, отправленном 16 июля: «Сей город новостроющийся назван в самый Петров день, – Петрополь, и уже оногo едва не с половину состроили».

Петров день! Тот самый упомянутый энциклопедией день 29 июня, когда царь праздновал свои именины, а в 1703 году – известно достоверно – в стенах новопостроенной крепости состоялось празднество с участием духовенства, придворных и военных чинов. Своего рода освящение северной твердыни. Очевидно, именно в ходе этого торжества крепость была официально крещена. И не стоит слишком глубоко задумываться над тем, почему Головин назвал город Петрополем, а не Петербургом. В 1703 году имя крепости вообще не установилось твердо, и оба этих варианта были в ходу – и Санкт-Петербург (также Санктпетербург, Санкт-Питер-Бурх, Санктпитербурх, Санкт-Петербурх), и Петрополь (также Питерпол, S. Петрополис). Греческое имя можно встретить в документах за июль, август, октябрь 1703 года.

Вопрос насчет даты решен? Возможно. Авторитетнейший историк петровского царствования Евгений Викторович Анисимов подтверждает: до 29 июня «у крепости на Заячьем острове не было вообще никакого названия». Такой же точки зрения придерживаются другие серьезные историки. Правда, этим они выводят за скобки свидетельство «Книги Марсовой», и это все-таки заставляет задуматься.

А может, все было проще и одновременно сложнее? Трудно ведь предположить, что имя Санкт-Петербург (Петрополь) родилось в сознании Петра и его сподвижников ровно

29 июня. Наверняка крещению предшествовали раздумья монарха – и вполне очевидно, что решение он принял до дня крещения. Может быть, уже в мае. А не в том ли дело, что отец Санкт-Петербурга при закладке его не присутствовал, и оттого детище не стали крестить без его участия?

И только потом, в ходе торжества, новое имя было присвоено официально.

Такой вариант вполне примирил бы показания «Книги Марсовой» и фельдмаршала Головина.

Мне именно такой вариант кажется вполне вероятным. Хотя стопроцентной гарантии, разумеется, не дам.

А вот в чем гарантию дам, и с легкостью – так это в том, что день 29 июня 1703 года нельзя считать достоверной и доказанной датой закладки первой деревянной церкви Петра и Павла, которую затем сменил всем знакомый Петропавловский собор. Что бы ни писала на этот счет энциклопедия «Санкт-Петербург», что бы ни говорили другие серьезные источники. И прав в этом вопросе уважаемый Александр Шарымов: «29 июня 1703 г. как дата закладки Петропавловской церкви есть число сугубо условное, выводимое путем логическим, как наиболее вероятное и в силу того – достоверное, однако строгого исторического документального базиса не имеющее...»

Не существует никаких доказательств тому, что церковь заложили именно 29 июня. Ни писем, ни документов, ни обмолвок в книгах того времени. Это событие вполне могло произойти и в какой-нибудь другой день 1703 года до или после 29 июня. В общем, полная неопределенность. А за неопределенностью неизбежно следует путаница. Характерный пример: Виктор Антонов и Александр Кобак утверждают на 7-й странице своей капитальной книги о храмах Санкт-Петербурга, что первая деревянная церковь была заложена 29 июня, а на 58-й странице пишут совсем иное: «первая деревянная церковь Петербурга была заложена 16 мая 1703, в Троицын день, тогда же, когда и крепость».

И чему тут верить?

Зато с освящением первой деревянной церкви дело другое: достоверно известно, что это случилось 1 апреля 1704 года и осуществлял обряд митрополит Новгородский Иов. Редкий случай, когда сомнений нет никаких.

Но это мы все о крепости, а пора вспомнить о городе: когда же он сам стал Санкт-Петербургом? Тезис энциклопедии мы помним, и примерно так же описывали события многотомные «Очерки истории Ленинграда»: «Когда в крепости был построен собор в честь Петра и Павла, она стала называться Петропавловской, название же Санкт-Петербург закрепилось за городом, возникшим вокруг крепости». Известно, что Петропавловский собор работы Доменико Трезини был освящен в 1733 году – и значит, примерно тогда крепость стала именоваться Петропавловской, а город Санкт-Петербургом.

Если верить этому утверждению, конечно.

Разделим этот вопрос на две половины: когда название Санкт-Петербург перешло на город и когда крепость стала зваться Петропавловской? И тут вдруг выясняется, что случилось это совсем не так синхронно, как думалось историкам. Уже в 1711 году анонимный иностранец, посетивший невские берега, пишет про «крепость и город Санкт-Петербург». А швед Эренмальм, побывавший здесь в 1710–1713 годах, пишет: «Петербург делится на три части, а именно: сама крепость, которая собственно и называется С.-Петербург, и немецкая и русская слободы».

Так что яснее ясного: город уже тогда получил от крепости свое имя.

А вот с именем крепости все обстоит иначе. Существует масса свидетельств того, что крепость долгие годы пользовалась обоими именами. Официально она звалась Санкт-Петербургской: вот, скажем, Николай I в записке о деле декабристов упоминает свои повеления «Санкт-Петербургской крепости коменданту генерал-адъютанту Сукину», а в 1884-м градо-

начальник сообщает в департамент полиции о передаче «из Санкт-Петербургской крепости» тела умершего преступника. На планах города 1890, 1904 и 1909 годов крепость и вовсе названа «Санкт-Петербург», ровно как в стародавние времена Петра. А после переименования города в Петроград крепость стала зваться официально Петроградской, и эта перемена также отражена в документах...

Параллельно, однако, крепость именовали и Петропавловской, особенно в городском обиходе. В 1824 году, набрасывая эскиз автопортрета с Онегиным на набережной Невы, Пушкин пометил, что на другом берегу виднеется «Крепость, Петропавловская». Такое именование можно встретить и в одном из вариантов лермонтовского «Маскарада»:

*За то, что прежде, как нелепость,
Сходило с рук не в счет бедам,
Теперь Сибирь грозитя нам
И Петропавловская крепость.*

Петропавловской названа крепость и на планах города 1858, 1861, 1913 годов, да и многих других.

В общем, до 1917 года оба названия крепости были в ходу. И только в послереволюционные времена ее стали окончательно и бесповоротно звать Петропавловской. Ну не Ленинградской же крепостью было именовать!

Теперь второй вопрос, который мы пока что поневоле оставили в тени: а в чью же честь названы были крепость и город в 1703 году?

Здесь, казалось бы, все ясно. Никто сегодня не сомневается в том, что Петр назвал новую крепость в честь апостола Петра, своего небесного покровителя. Тем более, что и случилось это крещение в Петров день. Царь видел в обряде глубокий символический смысл: апостол должен был принять новую твердыню под свое небесное покровительство. Поскольку святой Петр являлся хранителем ключей от рая и основателем христианской церкви, новая крепость должна была обозначить путь к новому величию России, стать ключом к ее процветанию.

Да и само имя Санкт-Петербург переводится именно как город святого Петра. Об этом писал еще в XVIII веке Андрей Иванович Богданов: «Имя „Санктпетербург“ по силе грамматической значит имя пресложное, которое сложено из трех имен, или слов, тако: Санкт-Петер-Бург, то есть Град-Святаго-Петра, или просто значит: сей Град наименован во Имя Святаго Апостола Петра».

Вопросов нет?

Однако петровская газета «Ведомости», почти официальный рупор царя, сообщала соотечественникам 4 октября достопамятного 1703 года:

«Его царское величество, по взятии Шлотбурга, в одной миле оттуда ближе к восточному морю, на острове новую и зело удобную крепость построить велел, в ней же есть шесть бастионов, где работали двадцать тысяч человек подкопщиков, и тое крепость в свое государское имянование, прозванием питербургом, обновити указал».

«В свое государское имянование». В свою честь.

Так как же быть? Неужели это всего лишь описка или домысел газетчика?

Мне вот кажется, что не совсем домысел. Неведомый нам сочинитель газетной заметки прекрасно понимал: несмотря на то, что крепость посвятили апостолу Петру, в этом была доля монаршего лукавства. Ну вроде как и апостола царь почтил, и себя не обидел. Со всеми вытекающими. Помнится, Горький писал о том, что отношения Льва Николаевича Толстого с богом напоминали ему отношения «двух медведей в одной берлоге»; думаю, что и Петр Великий знал себе цену и ощущал себя с апостолом Петром почти на равных.

Оба ведь, в конце концов, помазанники божьи.

...Недавно наткнулся в Интернете на целую дискуссию вокруг имени нашего города. Она была очень горячей, и ровно половина выразила твердое убеждение: Петербург назван в честь своего основателя. Мол, «даже первоклашки знают», что город назван именем Петра I. Наверное, свою роль тут сыграла память о былых временах, когда города сплошь и рядом получали новые имена в честь реальных людей. И не только деятелей советского государства. Екатеринослав, Екатеринодар, Екатеринбург: эти города были названы в честь императрицы Екатерины Великой и ее деяний (первые два ныне – Днепропетровск и Краснодар).

Только ведь была и другая традиция. Во всяком случае, до революции, когда религиозные традиции пропитывали весь быт российского государства. Елисаветград, например, основанный во времена императрицы Елизаветы Петровны, назван в славу святой Елизаветы. А город Николаев получил имя в память о взятии крепости Очаков в день святого Николая.

Именно к этой традиции принадлежит и Санкт-Петербург. С поправкой на царское лукавство, разумеется.

«Льзя ль пышный было град сим домом обещать?» Это и есть домик Петра I?

Домик Петра I уже в XVIII столетии считался святыней северной столицы. Как сказали бы сейчас, местом культовым. Андрей Иванович Богданов, один из первых историков города, в 1751 году восторженно писал: «Сей малейший Первоначальный Императорский Домик за толикую превосходную свою честь, что толикаго Великаго Императора мог вместить в себе жительство, и притом еще достоин есть чести и славы за малейшее свое созидание... Сей маленькой Петра Великаго Домик возродил на сем новонаселенном месте превеликое и прекрасное гражданство и Царствующий Град стяжал».

Уже тогда домик был окружен каменной галереей, призванной защищать его от ударов стихии – «для охранения в предбудущия роды», по определению того же Богданова. Косноязычно писали в те времена, и будем снисходительны к форме проявления горячих патриотических чувств.

Несколькими годами позже столичную святыню воспел в стихотворении «К домику Петра Великаго» Александр Петрович Сумароков, знаменитейший тогда поэт:

*В пустынях хижинка построена сия,
Не для затворника соорили ея:
В порфире, с скипетром, с державой и короной
Великий государь имел жилище в оной.
Льзя ль пышный было град сим домом обещать?
Никто не мог того в то время предвещать;
Но то исполнилось; стал город скоро в цвете...
Каков сей домик мал, так Петр велик на свете.*

Чтобы завершить вводную часть этой главы, вспомним еще одного певца домика – Ивана Ильича Пушкирева, автора описания северной столицы, увидевшего свет в 1839-м. Этот сочинитель излагал свои чувства уже более гладко, хотя и с не меньшим пафосом: «Священное чувство благоговения и признательности к памяти Петра Великаго мгновенно овладеет душою вашею, когда вы переступите чрез порог сей хижины, в которой бессмертный Венценосец, для славы и благоденствия отечества, трудился как простой работник, отдалив от себя негу, роскошь и пренебрегаю даже отдохновением... Не пройдет ни одного года, чтобы житель Петербурга, Русский, не побывал в этом домике и с пламенным усердием не помолился Образу Спасителя; во всякое время года, особенно весною, стечение народа бывает здесь многочисленное, и смиренная обитель незабвенного Государя превратилась ныне в храм святыни».

Говоря про храм святыни, Пушкирев имеет в виду, что со времен императрицы Елизаветы в домике находилась часовня в честь хранившейся в нем (и принадлежавшей некогда Петру) иконы Спаса Нерукотворного Образа. Лишь в 1930 году часовню закрыли, а образ передали вначале в Троицкую церковь на Стремянной, а после и ее закрытия в Преображенский собор...

Но довольно уже возвышенных цитат. Займемся лучше реальной историей. Каждый современный петербуржец слышал, что домик Петра I сохранился в целости со времен державного основателя... и если даже перемены в его облике были, то не принципиальные.

Однако зададимся вопросом: а возможно ли вообще, чтобы деревянная постройка на топком берегу Невы прожила без потерь три с лишним столетия? С петровских времен здесь случалось множество наводнений, а чем это чревато, хорошо знал и сам Петр. Осенью 1706

года царь писал Меншикову, что воды «у меня в хоромах было сверх полу 21 дюйм». А ведь впереди были катастрофические наводнения 1777, 1824 и 1924 годов, второе из которых описал Пушкин в «Медном всаднике»:

*Всё перед ним завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другие
Совсем обрушились, иные
Волнами сдвинуты...*

Конечно, домик Петра был защищен от непогоды лучше других деревянных построек Петербурга. Каменная галерея еще с 1723 года сдерживала натиск стихии – хотя и ее возможности были ограничены. В 1738 году, например, выяснилось, что в «старом Первоначальном деревянном доме с каменной галереей на Санктпетербургском острове близ Троицкой пристани от больших прибылых вод подняло по гнилости половые доски».

«По гнилости» – это означает, что губительные причуды петербургской погоды уже оказали на домик свое воздействие.

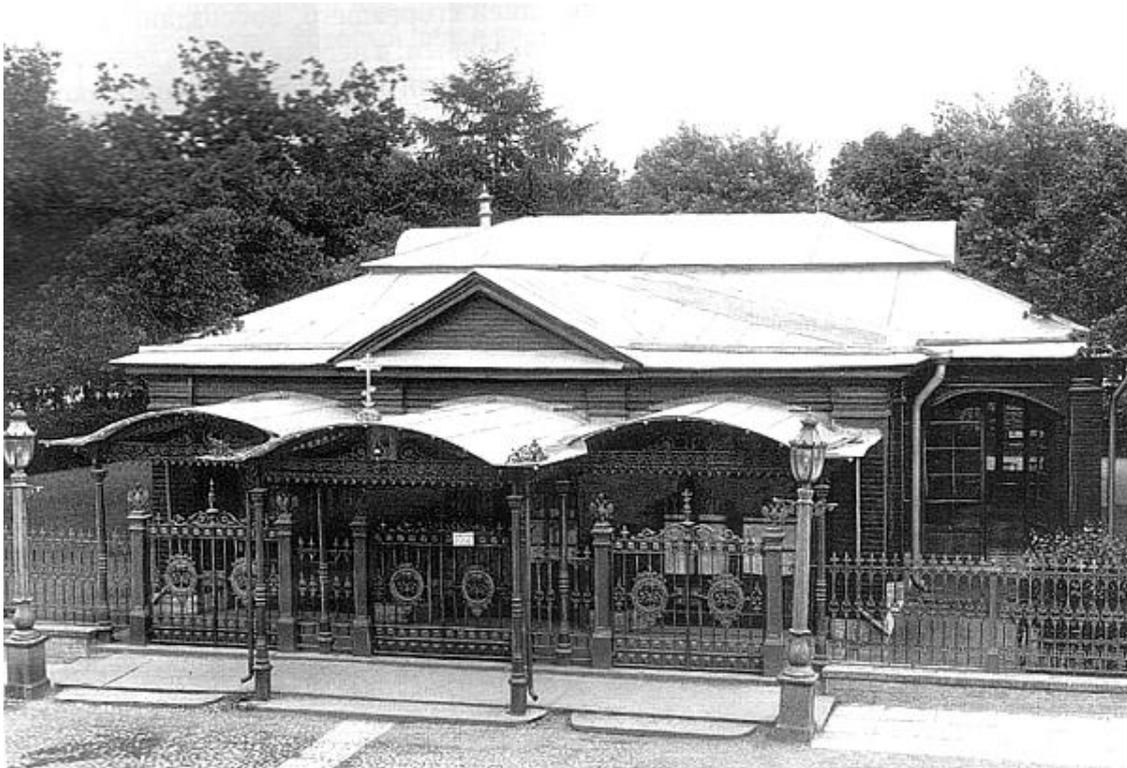
А про часовню помните, уважаемый читатель? Когда ее устроили в бывшей столовой домика, окно в спальне превратили в дверь. Для регулирования потока посетителей. Может быть, и мелочь, но далеко не последняя.

Наводнение 1777 года нанесло старинному домику существенный урон. Известно, что тогда «от великой бури и наводнения венцы домика, внутри полы и часть балок, также двери и окна с косяками и ставнями сильно повредило». Бригада из 14 плотников устраняла эти повреждения неделю, и можно не сомневаться: при отсутствии современных методов научной реставрации со старинными бревнами плотники особо не церемонились. Где считали необходимым – заменяли на новые.

На этом, однако, перемены не завершились. Во время одного из наводнений 1820-х годов снова «подняло все половые доски со своих мест», после чего были заменены некоторые балки, а стены скреплены болтами и стойками. Известно также, что в пушкинскую пору «лунные» стекла в окнах домика заменили обыкновенными, а стены и потолки трех комнат обили новым фламандским полотном «вместо ветхого».

Новые венцы, балки, сукно, доски пола: солидный получается список для объекта, который сохраняет статус первой постройки нашего города.

Только ведь и это еще не конец истории. В 1844 году был построен защитный «чехол» для домика, дошедший уже до наших дней, и это работы тоже не обошлись без вмешательства в облик памятника. Архитектор Роман Иванович Кузьмин, руководивший работами, отмечал, правда, что «самый Дворец остается в том самом виде, как ныне существует, за исключением перемены нижних венцов» – но он поскромничал. Именно тогда в помещении столовой пробиты вентиляционное отверстие и сделали вытяжную трубу, потолочные балки обшили войлоком и обили железом «для предупреждения опасности от пожара», а на крыше частично заменили гонт.

Домик Петра I. Открытка начала XX века

В общем, работать – так работать. Сохранять – так сохранять. Не жалея сил. Ну и объекта самого, собственно, тоже не жалея.

В 1970-е годы ленинградские реставраторы под руководством Александра Эрнестовича Гессена постарались устранить последствия многих перемен и приблизить облик домика к первоначальному. Скажем, стекла в окнах они заменили обратно на «лунные», а стены внутренних помещений обтянули парусиной, как и в петровские времена. Однако вот нюанс: новое стекло было работы известного ленинградского мастера-стеклодува Бориса Алексеевича Еремина, а парусину выткали специально для домика в городе Вязники. Согласитесь, совсем не петровские материалы!

Кроме того, при тех реставрационных работах домик решено было укрепить, установив силовой металлический каркас. В советское время такие решения применялись довольно часто: скажем, менялись конструкции старинных мостов с сохранением одного лишь внешнего их облика. Однако домику такое укрепление обошлось дорого: по мнению реставратора Владимира Степановича Рахманова, знатока деревянной архитектуры, в результате «конструкция сруба перестала функционировать, структура части бревен была нарушена».

Суммируя все перемены, случившиеся в домике за три столетия, можно сказать определенно: масштаб их был весьма велик. По оценке специалистов, обследовавших этот памятник, сруб домика сохранил лишь около 60 процентов первоначальных бревен. Именно поэтому нынешний домик ниже, чем при Петре, на целых 120 сантиметров, из-за чего в его комнатах человек нормального (не петровского даже) роста может ходить только согнувшись.

И ведь это только сруб – а сколько накопилось перемен в отделке домика, начиная от окон со ставнями и завершая крышей? Впечатляющий масштаб перемен, настоящая революция, растянувшаяся во времени. И не то, чтобы ныне стоящий домик совсем уже не имеет

никакого отношения к петровской эпохе – но считать его в целости сохранившейся святыней было бы слишком.

«Изволил обложить дворец?» А кто же построил домик Петра?

А теперь перейдем к другой связанной с домиком Петра I проблеме: а за что, собственно, так бьются все эти десятилетия архитекторы и реставраторы? Вопрос задам неожиданный и шокирующий: а точно ли это первое здание Санкт-Петербурга, построенное в три майских дня 1703 года и давшее некогда приют Петру Великому?

Насчет приюта могу успокоить сразу: Петр и впрямь обитал здесь.

А вот насчет первого здания и особенно насчет трех майских дней...

Казалось бы, и здесь сомнений быть не должно. Неоднократно уже процитированная энциклопедия «Санкт-Петербург» сообщает: «Домик, состоящий из двух светлиц, разделенных сенями и спальней, был срублен 24–26.5.1703 из тесаных сосновых бревен». Историко-церковная энциклопедия «Святые Петербурга» подбавляет подробностей насчет участия в процессе строительства самого монарха и его подданных: «Петр и солдаты выстроили домик всего за три дня, 24–26 мая 1703». Более красочно изложил канву ленинградский писатель Вольт Николаевич Суслов в журнале «Костер»: «Быстро – с 24 по 26 мая из крепких сосновых бревен срубили солдаты хоромы своему царю. Точно так, как ставили в своих деревнях избы-пятистенки».

Не сомневается, наконец, и популярный литератор Соломон Моисеевич Волков, автор книги «История культуры Санкт-Петербурга»: «Первый домик Петербурга... был срублен из обтесанных сосновых бревен самим Петром с помощью солдат за три майских дня 1703 года».

Однако все это – не более, чем байка. Если заглянуть в источники, нетрудно выяснить: дата и обстоятельства строительства домика известны нам из одного-единственного старинного документа. Там сообщено, что 24 мая «на острове, который ныне именуется Санктпетербургской, царское величество повелел рубить лес и изволил обложить дворец», а 26 мая «дворца строение работою окончилось».

Только вот беда: этот документ – не что иное, как знакомая уже читателю рукопись Петра Никифоровича Крекшина «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга». Текст, на который вряд ли стоит опираться серьезному историку. А других свидетельств, что дом строился в майские дни при участии солдат, не существует в природе.

Повторю еще раз: даты и обстоятельства строительства домика – чистейшая фантазия, не имеющая под собой оснований. А потому соответствующие утверждения энциклопедий, учебников и популярных статей давно пора вывести за скобки. Или сделать хотя бы не столь категоричными.

Попробуем теперь подойти к теме с другой стороны: а нельзя ли другими путями узнать, кто и когда строил домик? Пишет же Вольт Суслов о том, что срубили его «точно так, как ставили в своих деревнях» – и ведь не с потолка же взял он это утверждение! Не с потолка. В советские годы исследователи и краеведы были уверены, что домик построен в традициях русского деревянного зодчества. Многим ленинградцам был знаком путеводитель по домику, написанный Лидией Константиновной Зязевой, и так сказано определенно: домик являет собой традиционный для Руси тип избы, а прообразы его можно найти в старинных постройках Костромской губернии.

Вот вам и конкретика: солдаты-костромичи, построившие «Первоначальный Домик» для своего государя.

Правда, эту конкретику придется опровергнуть. Еще в те советские годы некоторые специалисты удивлялись: отчего же в исконно русском доме такие широкие окна, нашему

деревянному зодчеству вовсе не привычные? Выход из тупика нашли тогда изящный: сослались на позднейшие ремонты и реконструкции, изменившие облик дома.

Что ж, облик и впрямь был изменен основательно, это мы знаем. Петр мог бы и не признать свое первоначальное жилище. Только причина странностей оказалась вовсе не в смелых переделках.

На спусковой крючок нажала исследователь Наталия Четверикова: это она в 1990-е годы проанализировала отличительные черты домика и пришла к выводу: он построен в традициях скандинавской архитектуры. Во-первых, срублен домик «в шестиугольник»: выпуск торцов по углам сруба обработан в форме шестигранника, что часто встречалось в Швеции и Норвегии, но менее типично для России. Кроме того, планировка Домика – две разновеликие комнаты, соединенные сенями и разделенные по вертикали стеной – опять же типична для Швеции и Норвегии. Наконец, третье: широкие окна Домика привычны для тех же двух стран.

Такая вот сенсационная версия. И настолько основательная, что за прошедшие годы так и не нашлось веских доводов в ее опровержение. Более того: ведущие специалисты в области деревянной архитектуры признали практически в один голос, что домик не строили ни Петр, ни русские солдаты.

Его строили шведские плотники.

За первой сенсацией следует вторая: а при каких обстоятельствах такое случилось? Версия навскидку – о том, что домик строили для царя пленные шведы – легко дополняется еще парой других. А вдруг домиком Петра стала перенесенная из другого места готовая постройка? Какая-нибудь хижина из Ниеншанца или Ниена? И третий вариант, наконец: а что, если домик еще до основания Петербурга стоял на этом месте, а Петр просто использовал его для своей штаб-квартиры?

Три версии, каждая из которых имеет свои за и против.

Шведские пленные в большом количестве появились на невских берегах после Полтавской баталии 1709 года. А дотоле их пребывание в северной столице документами не зафиксировано. Что же до гарнизона Ниеншанца вместе с членами семей и всякими другими обитателями крепости и города Ниена (казалось бы, можно представить их в качестве строителей домика) – то они были еще 8 мая, до основания крепости на Заячьем острове, отправлены восвояси в Выборг. Какие же тогда пленные шведы могли строить домик?

Готовая постройка? Но мы уже знаем: домик построен по шведским канонам, тогда как типичные для приневских земель дома имели иной облик, для них характерны другая рубка и квадратные окна. К тому же данные обследования сруба домика, найденные Наталией Четвериковой в архивах Русского музея, гласят со всей очевидностью: для строительства был использован свежесповаленный и недостаточно просушенный лес. Это означало грубое нарушение технологии строительства и привело к появлению широких и глубоких разрывов в здоровых бревнах сруба. Такое могло произойти именно в том случае, если домик строили в спешке для нового хозяина приневских земель.

Против версии о переносе готовой постройки выступает и знакомый нам Петр Никифорович Крекшин. В его рукописи сообщается, что «Генерал светлейший князь Александр Данилов сын Меншиков предлагал его царскому величеству в Канецких слободах от пожара многие дома в остатке, строены по архитектуре из леса брусового, не соизволит ли перевезть и построить дворец. Царское величество изволил говорить: „Для того и велю на сем месте рубить лес, и из того леса строить дворец впредь для знания, в какой пустоте оный остров был...“»

Невелика цена свидетельству Крекшина, конечно, но сам по себе факт примечателен: а зачем бы Петру Никифоровичу столь однозначно опровергать перенос домика? Не иначе как такой вариант имел хождение в городе, обсуждался, считался вполне вероятным...

Отмечу, что по мнению уже упомянутого в предыдущей главе Владимира Степановича Рахманова бревна сруба Домика были еще в петровские времена пронумерованы, что скорее всего говорит об одном: его перевозили. Более того: анализ этих пометок позволил Рахманову высказать предположение, что домику к 1703 году стукнуло уже минимум двадцать лет.

Озвучим теперь третью версию происхождения домика Петра. Она проста и лаконична: домик стоял на этом месте и до основания Петербурга. Это предположение выдвинули независимо друг от друга два видных знатока петербургской старины: искусствовед Сергей Борисович Горбатенко и археолог Петр Егорович Сорокин. Изучая шведские планы приневских земель 1680 года, они заметили, что именно в этих местах существовало несколько жилых дворов, и в их числе двор шведского крестьянина (или рыбака) Марти Лейя. Сергей Борисович даже совместил старинный план с планами Петербурга, и оказалось, что расхождение на местности между домиком Петра и домом Лейя составляет около 50–70 метров. С учетом несомненной приблизительности шведского плана это позволило исследователю «идентифицировать обе постройки как находящиеся на одном месте».

Горбатенко отметил попутно еще один факт: сохранившиеся в домике цветочные росписи близки шведской народной декоративной живописи. Важно также, что семейство Лейя вело происхождение от «старого кормчего» Олафа Томессонна Лейя, переселившегося сюда из Бьёрке (Приморск) в 1609 году. Так что вполне возможно, что дом Лейя был построен в соответствии с шведскими традициями.

Что же касается спешки в строительстве... А кто сказал, что в спешке и с нарушениями правил рубили дом именно в 1703 году? Может быть, технологию нарушили раньше, при Лейя? Или старый дом шведа подвергли некоторой переделке для того, чтобы туда мог вселиться царь? А может, речь в исследовании вообще идет о новых бревнах, дополнивших собою домик после наводнения 1777 года? Уж там-то спешка наверняка имела место: не могли же оставить одну из святынь Петербурга в полуразваленном виде надолго...

Любопытно, что в старой литературе встречаются свидетельства в пользу версии номер три. Хотя основной была версия о постройке дома в мае 1703 года, некоторые мемуаристы и летописцы писали иначе. Франсиско Миранда, знаменитый борец за независимость Венесуэлы, посетивший Россию и Петербург в 1786–1787 годах, отметил в дневнике: «Посетили домик Петра I, его первое жилище здесь. Дом деревянный, и, как мне сказали, до императора в нем обитали рыбаки. Вокруг стоят столбы с низким перекрытием, так что сам дом оказывается внутри и тем самым защищен от дождя и ветра».

Отмечу: «Как мне сказали». Значит, слухи об этом впрямь ходили по столице.

Примерно то же пишет академик петербургской Академии наук Якоб Штелин в собранных им в екатерининское время «Подлинных анекдотах о Петре Великом»: «Он не нашел на сем месте ничего, кроме одной деревянной рыбацкой хижины на Петербургской стороне, в которой сперва и жил, и которая поныне еще для памяти сохранена и стоит под кровлею утвержденною на каменных столбах». Насколько академик был уверен именно в таком происхождении домика, можно судить по другим его строкам, где он описывает мемориальные вещи Петра в столице и сообщает: «напротив сего места... стояла бедная рыбацкая хижина, из которой Петр Великий в 1703 году в несколько дней построил малый деревянный домик о двух покоях с сенями и кухнею».

В общем, Штелин был уверен: именно старая шведская постройка стала обиталищем царя. Даже если он ее немного переделал под свои нужды.

Такой вот поворот.

Так какая же версия верна? Стопроцентно точный ответ на этот вопрос, увы, дать невозможно. Тем более, что один из современников – член польского посольства, побывавший в Петербурге в 1720 году, – еще сильнее запутывает карты: «На этом самом месте, как я узнал, некогда было 15 хижин, населенных шведскими рыбаками. После занятия этой

местности русскими деревню сожгли, а его величество царь повелел поставить для себя тут маленький домик из двух комнаток, где и жил. Домик этот еще стоит, крытый черепицей, однако без окон, но для лучшего сохранения обнесен забором».

Если прав поляк – значит, ошибочны предложения Горбатенко и Сорокина. Хотя вполне возможно, что иностранец поразумевает вовсе не конкретную деревушку вокруг двора Лейя, а поселения на более обширном пространстве. На всей нынешней Петроградской стороне. А то ведь в этом конкретном месте пятнадцати дворов никогда и не было.

Ну а ежели так – то и это свидетельство превращается в нечто весьма неопределенное.

Одно скажу с высокой степенью достоверности: скорее всего, домик Петра I старше Петербурга. А рассказ про три майских дня 1703 года можно вычеркнуть из энциклопедий и учебников твердой рукой.

Земля будущей столицы Правда ли, что Петербург стоит на костях?

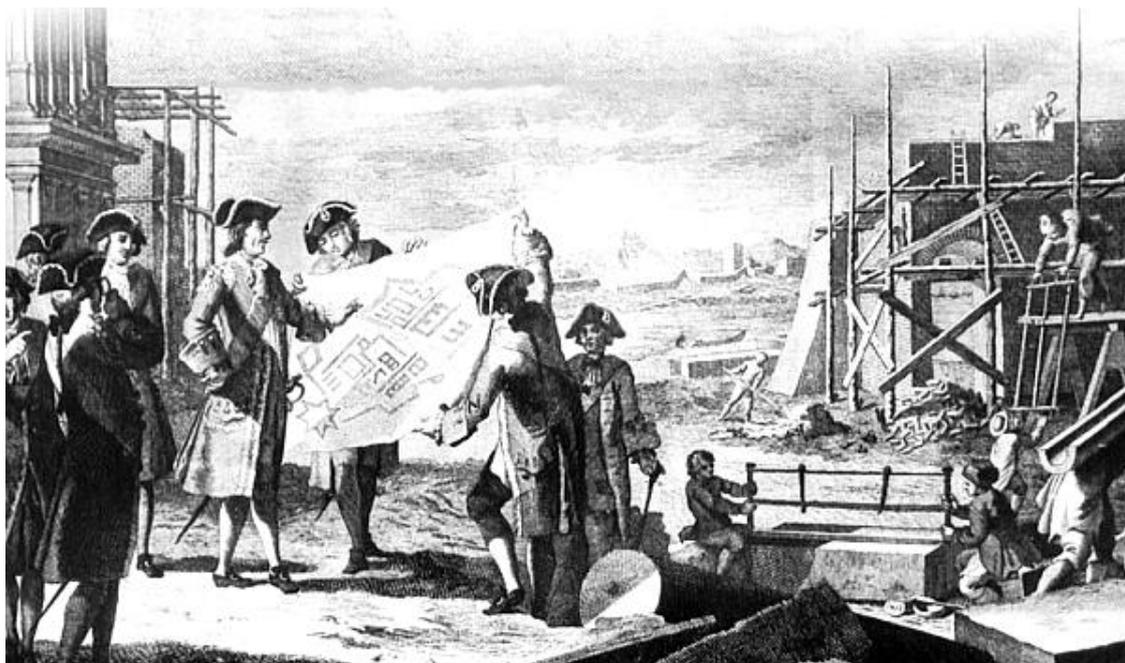
Петербург построен на костях десятков, а то и сотен тысяч людей. Этот тезис так впитался в поры русской культуры, что стал уже ее общим местом. Николай Михайлович Карамзин не сомневался: «можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах». У Николая Семеновича Лескова в романе «На ножах» тоже можно встретить беглое: «заложены и выстроены на костях и сваях». Наш современник писатель Михаил Николаевич Кураев столь же красноречив, сколь и эмоционален: «Едва ли Петр Первый, затевая крепость на крохотном победном островке в разгар безбрежной и не очень-то счастливой войны, мог предположить, мог помыслить хотя бы в кошмаре похмельного сна о том, что... под стенами одной только Петропавловской крепости, которой во всю ее историю так и не случится отражать врага, ляжет, по одним подсчетам, семьдесят, а по другим – и все сто тысяч подкопщиков и прочих работных людишек, то есть русских мужиков... Город рос, высился не только на краю России, но и на краю необъятной могилы, куда скидывали, стаскивали и сваливали его строителей».

Категоричен и современный литературовед профессор Борис Валентинович Аверин: «Никуда не денешься от сотен тысяч жизней, вбитых в эту болотистую почву, – они все время встают как обелиски, как души, укоряющие нас».

Никуда не денешься, это правда. И что там писатели или профессора, если почти в каждой книге, рассказывающей о строительстве северной столицы, можно прочесть о бесчисленных русских людях, переселенных Петром I на невские берега и нашедших здесь скорую смерть?

Люди гибли, что скрывать. Но вот вопрос: в каком количестве? Откуда взялись сведения про сотни тысяч погибших? Достоверны ли эти данные?

Если попробовать распутать ниточку, выяснится удивительное: первоисточником сведений о городе, построенном на костях, служат воспоминания иностранцев, побывавших в петровской России. Вообще-то обычно историки относятся к мемуарам со скепсисом, употребляют даже выражение «врет, как очевидец» – а тут, поди ж ты, поверили на все сто. Может быть, потому, что иностранные мемуаристы были единоклюбы и настойчивы. Уже в самых ранних воспоминаниях иностранцев о Петербурге называются цифры вплоть до сотен тысяч погибших. Вот что сообщает анонимный немецкий автор, посетивший невские берега в 1710–1711 годах: «Поскольку люди не были привычны к такой работе, жили в скверных условиях и на худом содержании, то многие – говорят, даже свыше ста тысяч человек – при этом погибли и умерли». Осторожнее высказывался швед Ларс Юхан Эренмальм, находившийся в 1710–1713 годах в российском плену, но и по его утверждению на строительстве одной только крепости Санкт-Петербург в 1703–1704 годах «было погублено свыше 50–60 тысяч человек». Примерно ту же оценку давал датский посланник Юст Юль, посетивший Россию в 1710–1712 годах.

Петр I руководит строительством Санкт-Петербурга. Гравюра XVIII века

Всех перехлестнул брауншвейгский посланник Фридрих Христиан Вебер, обитавший в России в 1714–1720 годах: он утверждал, что на строительстве Петербурга и Кроншлота погибло свыше 300 тысяч человек.

Отсюда и пошли гулять страшные данные. Журналист Владимир Осипович Михневич в своей знаменитой книге «Петербург весь на ладони» (1874) присоединился к мнению анонимного немца: «сооружение одной Петропавловской крепости стоило жизни 100 000 переселенцев». Его современник историк Василий Осипович Ключевский конкретных цифр не назвал, но был также категоричен: «Едва ли найдется в военной истории побоище, которое вывело бы из строя больше бойцов, чем сколько легло рабочих в Петербурге и Кронштадте. Петр называл новую столицу своим „парадизом“; но она стала великим кладбищем для народа».

С тех пор и поехало. Даже вполне академические историки отдали дань образу столицы, построенной на костях. В советские годы Владимир Васильевич Мавродин не усомнился: «Земля будущей столицы покоила в себе не один десяток тысяч ее строителей». Евгений Викторович Анисимов в 2003 году писал еще решительнее: «Не будет сильным преувеличением считать, что в начальный период строительства Петербурга погибло не менее 100 тысяч человек».

Но может быть, все так и обстояло на самом деле? Может, иностранцы просто зафиксировали реальное положение дел? Смертность ведь среди тех, кто строил Петербург, не могла не быть высокой. Тяжелый механический труд, неблагоприятный климат, плохие санитарные условия, отсутствие нормальной медицины... Не случайно Александр Данилович Меншиков в 1716 году писал кабинет-секретарю Петра Алексею Васильевичу Макарову, что из работающих в Петергофе и Стрельне «больных зело много и умирают непрестанно, из которых нынешним летом больше тысячи померло».

И все-таки: какими были реальные показатели смертности?

Для начала разделаемся с утверждением Фридриха Христиана Вебера. Этот дипломат, судя по всему, был вообще склонен к драматическим перехлестам. Оттого и писал, цитирую: «Люди, знающие основательно это дело, уверяют, что при возведении крепости в Таганроге у Черного моря погибло более 300 000 крестьян, и еще более на Петербургских и Кронш-

лотских работах, частью от голода, а частью вследствие болезней, развившихся от болотистой почвы».

Легко понять, что все это – нелепица. 300 тысяч в одном Таганроге? Одно этого утверждения достаточно, чтобы вывести источник в разряд недостоверных. Конечно, крепость у Черного моря обошлась петровской России недешево, но трехсот тысяч погибших там не набралось бы за все петровские годы. Современные историки Таганрога, даже самые критичные по отношению к Петру, называют цифры на порядок более скромные: 30 тысяч.

Вернемся теперь в нашу северную столицу. Несмотря на то, что точных данных о числе умерших строителей Петербурга не имеется, все же так петровская бюрократия может сослужить нам добрую службу. Хотя бы для того, чтобы оценить общую численность отряда строителей северной столицы. Входили в него солдаты петровской армии, вольные работники, каторжники – но основной контингент составляли все-таки работные люди, присланные сюда из разных губерний. Эта присылка осуществлялась по заранее утвержденным планам, показатели которых известны документально. Так и выявляется, что в 1704 году на возведение Петербурга и Шлиссельбурга направлено было 40 тысяч рабочих, годом позже – такое количество, но уже «поровну» в Петербург и Нарву, в 1706-м – 46 тысяч опять же поровну в два указанных города. Потом цифры присылаемых рабочих менялись, в некоторые годы увеличиваясь до 40 тысяч человек в один только Петербург. Важно понимать, однако, что реально прибывали на берега Невы далеко не все. Кто-то бежал по пути или уже с места строительства, кто-то заболел или даже умер в долгой дороге, а в каких-то губерниях случился банальный недобор: государственная машина и тогда не работала, как часы. Оттого и писал петербургский обер-комендант Роман Брюс Александру Даниловичу Меншикову в конце апреля 1709 года: «По наряду в нынешнее лето работным людям велено ко мне быть к городскому строению апреля к 1 числу 8000 человек, из которых по нижеписанное число токмо пришло к нам 1569 человек».

Все эти работные люди, конечно, могли болеть (в августе 1703-го Г.И. Головкин сообщал царю, что у строителей нового города «болезнь одна: понос и цынга») – но умерли далеко не все. То же относится и к солдатам, вольным работникам, каторжникам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.